

18+

Александра Дикова

*Кто такая
сестра?*

Александра Дикова

Кто такая сестра?

«Издательские решения»

Дикова А.

Кто такая сестра? / А. Дикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749681-4

Красной нитью проходит мысль сквозь три рассказа — кто такая сестра? Игнес, Алли и Шарлотта говорят, поступают и думают так, чтобы самим себе объяснить, а потом понять это — кто такая сестра, тяжело или легко ею быть, помимо всего прочего. Три рассказа, три героини, один вопрос.

ISBN 978-5-44-749681-4

© Дикова А.
© Издательские решения

Содержание

Увидимся завтра	6
Письмо от 2 июля, 1917г	7
Письмо от 16 июля, 1917г	8
Письмо от 1 августа, 1917г	10
Письмо от 16 августа, 1917г	11
Письмо от 5 сентября, 1917г	12
Письмо от 9 сентября, 1917г	13
Письмо от 15 октября, 1917г	14
Письмо от 21 октября, 1917г	15
Письмо от 2 ноября, 1917г	16
Письмо от 20 ноября, 1917г	17
Письмо от 24 ноября, 1917г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кто такая сестра? Александра Дикова

© Александра Дикова, 2016

ISBN 978-5-4474-9681-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Увидимся завтра

*Все события и персонажи являются вымышленными
Все, кроме войны*

Ветра колыбельку качали
Рождались, печали не знали.
Ива ветвями качнула,
Сестренка, мечтая, уснула.
Исчезнет твой сон гроыхая,
Идешь ты вперед, вздыхая.
Звезда так бездумно сверкает,
Устало брат засыпает.
Дорогу найдешь ты точно,
Сквозь воздух синеющей ночи.
Под мирный часов бой,
Придешь ты сегодня домой.

Письмо от 2 июля, 1917г

Всегда так сложно начать говорить, когда хочешь, нужно, столько сказать... Ты это знаешь, Тедди. И я это знаю. Знаю, но вижу каждую ночь во сне ворох бумаг, каждый лист испещрен строками, где теснятся слова, которые пока что живут в моей голове. Там же живут и все те, кого я когда-то знала и знаю. Вы все живете в моем сознании, смотрите, говорите что-то... Это видится, слышится, мне безумным хором. А знаешь, кого я ищу и не нахожу в этом хоре? Чье лицо я выглядываю в этой толпе, пытаюсь услышать голос? Я ищу там тебя, Тедди. Тебя.

Помнишь, когда тебе было одиннадцать, ты сочинил стихотворение? А я, читая его, напела строки, как песню. Ты так обрадовался тогда, я это видела. Ты улыбался. Я никогда не говорила тебе, что у тебя красивая улыбка. И не скажу, милый Тедди. Она у тебя скупая, но добрая, светлая, как солнце, а это лучше, чем красивая.

Мне так хочется писать: «Ты помнишь? Ты помнишь?»... Но я не то пишу. И все-таки... Ты помнишь, мы обещали любить снег? Ты помнишь, мы мечтали найти гусеницу и превратить ее в бабочку? Ты помнишь, что взял с меня обещание писать тебе все, что придет ко мне в голову? Ты помнишь, мы клялись быть рядом, оказываться друг с другом всегда, когда это необходимо? Я помню, Тедди, все помню.

Но я сейчас не рядом с тобой.

Письмо от 16 июля, 1917г

Мне пришло в голову – зачем я? Я подумала, тот момент...

Момент, когда уходит жизнь, это слышат, чувствуют все праматери и праотцы этого человека, и дети его детей, рожденные или не рожденные... То же происходит и при появлении на свет. Сначала ты знаешь их всех, но свершается миг, и они забыты. Ты появляешься на свет, крича, слыша едва их замерший шепот. Они отпускают тебя. Они, которые через годы и годы встретят тебя, и ты вспомнишь их, будто вернулся в тот миг, когда еще не родился.

Не знаю, что произошло, когда родилась я. Думаю, ничего примечательного. По крайней мере, я ничего из того дня не помню. Тогда, 17 октября, миссис Эванс нарекла меня Игнес. Так она и произнесла, спокойным голосом, как потом сказала мне наша любимая нянюшка Мэгги, увидев меня впервые:

– Игнес Эванс.

А вскоре миссис Эванс уснула здоровым сном, оставив меня на руках няни, с одним, пока что единственным знанием – моим именем.

Очень странно это, родиться, и начать жить.

Потом дни, недели и месяцы стали расти, как узоры на снежинке, летящий вниз на землю, превращаясь в года. Сначала мне исполнился год, затем два года. Зачем я это пишу? Просто, Тедди, мне подумалось... Впрочем... Я почти не помню того времени. Какие-то воспоминания иногда появляются, но их так мало, что даже жалко.

Я помню отца, он сидит в кресле и задумчиво водит пальцем по своим рыжим усам. Иногда, когда хотелось пошалить, я тянула руку к его лицу, чтобы дернуть за усы. Но отец, хоть и с улыбкой, отводя мою руку, смотрел на меня сурово.

– Хватит, Игнес, – говорил он.

Маму в своем детстве, я помню больше, чем папу. Ее характер сложнее описать, чем характер отца. Ее можно представить и легкой, и тяжелой, насколько так вообще можно представить натуру человека.

Как образ отца запомнился мне в виде задумчивого, чем-то раздосадованного человека, но цельного, так и образ матери – четкий, но одновременно раздваивающийся... Не могу понять. Образ матери – будто разбитая пополам чаша, не склеить, но едино.

Однажды, когда я, двух лет отроду сидела за столиком, где меня обычно кормили (это я отчего-то хорошо помню), от нетерпения стала стучать ложкой по столу. Сейчас я расцениваю это как нечто раздражающее, то есть, как и моя мама тогда. К слову сказать, кухарка в тот день попросила выходной, а няня должна была прийти позже. Полагаю, ей пришлось тяжело. Не помню, где был ты Тедди. И... Я была ребенком, думаю, это уже оправдание? Хотя, не хотелось бы оправдываться.

Ложка стучала о поверхность стола, а мама хмурилась, готовя мне еду. Я видела ее лицо, видела, что ее злят эти звуки, но не понимала этого.

В конце концов, она выкрикнула:

– Игнес, прекрати!

Она крикнула это громко, но я ее не испугалась. Во мне проснулся какой-то странный, неосознанный азарт, и она, еще злее, закричала:

– Прекрати! Прекрати!

И злобно стала помешивать ложкой в котелочке, где варилась моя каша, злополучная, надо сказать.

Я упорно стучала. И вот, она, бросив свою ложку куда-то в угол кухни, равнодушно (а миг назад, ее глаза метали молнии!) взглянула на меня и начала танцевать под стук моей ложки.

– Останешься без еды, – сказала она, верчась и притопывая ногами.

Правда, часа через два, она сжалась надо мной. Когда, наконец, пришла Мэгги, она разрешила меня накормить. Мэгги не любит вспоминать об этом, но, думаю, это подорвало авторитет матери в ее глазах.

Говоря в целом о натуре нашей мамы, проще сказать коротко. Нет, не проще. Конечно, Тедди, мне сложно.

Итак. Миссис Эванс – актриса. Уверена, ты и сам это не раз чувствовал, и, сама знаю, это не комплимент. Нет, нет, только не осуждай меня за то, что я осуждаю ее. Просто, я так думаю. Это не оправдание?.. Помню, стоило появиться в комнате третьему человеку, особенно, если первые двое – это мама и я, то она начинала играть роль. Говоря что-то, она приукрашивает рассказ до только ведомых ей глупых фраз, а если и не привирает, то в разговоре, в поведении, я, как человек, знающий ее со своего рождения, тут же вижу фальшь, которая зачастую другим не видна.

Но они наши родители, и мы их дети.

Понимаешь, Тедди? Даже сейчас, когда все эти листы из моих мыслей, с каждым жутким, чуждым днём, материализуются в эти письма... Не смотря на мои барьеры, стены, я люблю их. И эти дни, и эти пустоты в моей жизни, и наших родителей.

И очень скучаю по тебе, Тедди.

Письмо от 1 августа, 1917г

Год и один месяц назад ты уехал.

Я пишу тебе дважды в месяц, надеясь, что письмо придет где-то в середине месяца. Я имею в виду твое письмо, которое я жду каждый день.

Мне кажется, что я говорю сейчас с тобой, и всё получается как в наших прежних беседах – моя сбивчивая речь и твоё внимательное молчание.

Я не говорила с тобой... То есть, не получаю ответа целый год. И месяц. Но вот очередное мое письмо, снова ожидание... Нет, не так. Раньше я просто ждала твоих писем, а теперь жду ответа. Знаю, ты бы сейчас вопросительно поднял брови – но, Тедди, разница есть.

Заметил, в письме много цифр? Все, как ты любишь.

Допустим, мне 22 года, а тебе 24. И это тоже цифры. Хотя, к чему они? Будто это важно! Но ты просил – пиши все, что придет в голову. Я давно об этом молчала, не говорила никому, и вот теперь ты вынужден это читать. Я писала о родителях, описывала мысли о рождении и жизни, но ты молчишь. Ты не подтверждаешь и не споришь, Тедди. Мне пусто. Есть такое словосочетание? Уверена, оно тебе знакомо.

Вчера я ездила домой. Мама была в синем платье, холодная и обманчиво неподвижная, как айсберг (образ для гостей. Да, Тедди, там я уже гость), а отец в черном костюме-тройке. У него седые волосы.

Знаешь, есть такое утверждение, что существуют два типа людей: люди-кошки и люди-собаки. В некотором роде, это психология, но скорее физиогномика. Я сидела рядом с родителями, отстранёнными, которые и друг другу-то будто никто, они что-то отвечали мне, но совершенно не выражали интереса к моим мыслям или чувствам. Обычно, интересовался этим только ты. Казалось, смотря на них, у человека не должно быть каких-то вольных мыслей или сторонних рассуждений – только дела, факты, события, которые строго происходят с каждым.

Они сидели со мной за одним столом, гордые, отстраненные и неприкосновенные, как кот и кошка. Отец бы теперь, уж точно, не позволил бы стащить с его лица очки, а мама не допустила бы проявлений буйного нрава. Лощёные, сверкающие шкурками кот и кошка, взирали на меня, доверчиво и грустно ждущую от них подачку в виде доброго, искреннего слова, а получающую недоумевающий взгляд свысока.

Ты, Тедди, должно быть решил, что я спятила, рассуждая так. Я не имею права распределять людей по ролям, это так, но мне стало любопытно это сравнение. Прости, если это глупо.

На обратном пути, один седоусый джентльмен, видимо, заплутавший, выйдя раньше времени из экипажа, спросил меня, как добраться до улицы Н., напомнив мне своей улыбкой добродушного золотистого ретривера. Я рассказала ему, где находится эта улица (за булочной и в арку), и он снова мне улыбнулся, это было так искренне, будто он завилял хвостом! (В такой момент, мне показалось, что эти сирены и дирижабли, лишь вчерашний кошмар).

И тут я ещё кое-что поняла. Распределяя людей на роли: «человек-кошка» и «человек-собака», я не смогла вспомнить из всех, кого я знаю как «человек-человек». Разве что, кроме тебя.

Письмо от 16 августа, 1917г

Не так давно я помогла найти человеку нужную ему улицу, зато сама не знаю куда идти, и спросить не у кого.

Куда мне идти?

Что бы ты ответил мне на это, Тедди?

Я представляю тебя: ты сидишь рядом со мной на полу. Тебе пятнадцать, а мне тринадцать лет. Сложное время, но возраст почти что не повлиял на наши характеры. На полу, между нами, лежит книга, открытая на девяносто восьмой странице – ты читал нам вслух, а теперь отложил книгу.

Где мы только не побывали, чего мы только не пережили, читая эти наши книги...

Ты сложил руки на коленях, ты отдыхаешь. А я смотрю на тебя, сидя примерно также. Ты устало прикрыл глаза, и я почти сонно думаю – почему у тебя такие длинные ресницы?

Тогда, в тот день, я не задала тебе вопрос.

Но что было бы, если б спросила?..

– Тедди, куда мне идти?

– Обрато, – не открывая глаз, ответил бы мне ты.

Примерно так я и начала этот путь, вымощенный не ответенными письмами...

Хочу сказать тебе:

– Мне жаль.

Хочу, чтобы ты ответил мне:

– Не волнуйся, я скоро вернусь... Обрато.

Но я так и не спросила.

Письмо от 5 сентября, 1917г

Сегодня утром я проснулась и подумала: будь ты сейчас рядом со мной, куда бы мы отправились? Ведь сегодня суббота, солнце так мягко греет, становясь по-осеннему золотым...

Мне было грустно, и я представила, что ты рядом. Что мы снова дети. Ты уж прости.

И вот, выйдя на улицу, я прикрыла глаза и увидела: мы дети, идем вместе по дороге. Ты немного хмуришься, то ли от солнца, то ли у тебя плохое настроение. Шутливо пихаю тебя в плечо, ты улыбаешься тайком, не глядя на меня, стараясь выглядеть взрослым и серьезным, но не выдерживаешь, и начинаешь звонко смеяться. Я тоже смеюсь, но спустя мгновение замираю, слыша свой теперешний смех, взрослой себя.

Открываю глаза и мне становится очень, очень грустно. Здесь нет нас детей, здесь только взрослая я и опавшие желтые листья.

Письмо от 9 сентября, 1917г

Тедди, осенью я всегда вспоминаю, как ты хмуро ее приветствуешь. Мысль об этом является раньше, чем твое «настроенческое» выражение лица в моём воображении. Мне кажется, это не только потому происходит, что закончилось лето. Я ведь помню, как ты не любишь свой День рождения. А он завтра. Поздравлять заранее дурная примета, но с этим письмом я положу в конверт для тебя открытку. Ведь письма приходят не сразу. С Днем рождения, мой дорогой ворчун!

Мне сейчас немного грустно. Раньше, когда я тосковала, ты никогда не спрашивал меня прямо – «что с тобой?» – ты просто садился рядом и обнимал меня за плечи. Сурово, молчаливо, но я-то знала, как много ты в себе прячешь, боясь показаться при других мягким или заботливым. Но мне этого хватало, этой твоей скупой любви, дорогой брат.

Сейчас поздний вечер, в комнате совсем темно. Только свечка позволяет мне пожаловаться и погрустить. Никогда бы не призналась тебе в этом, но я очень... Что? Как бы это сформулировать? Таких вещей не говорят в лицо, слишком честно... Пожалуй, я все же скажу, благо, я мысленно вижу тебя. Я очень нуждаюсь в тебе. Нуждаюсь в твоей сдержанной заботе, в твоём присутствии, в твоём незаданном вопросе... Вот, я все-таки это сказала.

Мне пусто. О, как гремит за окном! Верно, гроза начинается. Я здесь одна. Никому не нужна. Ты думаешь я жалуясь? Думаешь, мне невдомёк, что тебе там тоже несладко? Да я думаю об этом постоянно, просто знаю, как ты не любишь говорить о своих трудностях. И да, еще раз – я не жалуясь. Я люблю людей, человечество, но человека в отдельности... Я сторонюсь их, как раненая собака. Собаку ударил человек, которого она любила. Злости она не знала, но впредь ушла от всех. В одиночестве все раны заживают. Хотя нет, не все. Да и я не моя глупая иллюзия, а просто человек, сидящий в темной комнате.

Тедди, я хочу сказать тебе очень многое! Моя голова буквально лопается от мыслей. Но мне так тоскливо, что я едва ли смогу дописать эти строки. Спроси, спроси меня – «что с тобой?» Я потерялась – вот и весь ответ. Мне нужен смысл, цель, чтобы жить, но я потерялась. Что мне делать? Что?

Прости, я просто устала сегодня. Идет дождь, и меня клонит ко сну. Приснись мне, Тедди. Пожалуйста, приснись.

Письмо от 15 октября, 1917г

Дорогой мой Тедди, сколько раз я писала тебе, что не могу найти место? И буквально, и в переносном смысле этого слова. И представляешь, я нашла. Отец был зря недоволен моим интересом к анатомии и биологии, зря, Тедди. Твоя глупая сестра (ну ведь, правда, я совсем глупая?) теперь медсестра. Каково, а? Я даже почти рада, что и для меня нашлось дело. Но в этой работе я вижу столько печального, что, едва успела родиться радость, я почувствовала, что она умерла. Прости. Я говорю странные вещи. Мои мысли теперь заняты только медициной. Курсы я окончила, они были совсем недолгими (в начале я настолько в себя не верила, что даже не стала писать тебе об этом), но уверяю, я что-нибудь, да запомнила. О, ужас, «что-нибудь»! Мало того, что я глупая, так еще и безответственная.

Все чаще ловлю себя на мысли, что вижу тебя в толпе прохожих. И очень злюсь, но не потому, что это не ты, а потому что кто-либо может быть на тебя похож. Ты не на кого не похож.

Я скучаю, и хочу, чтобы ты меня отругал. Тысячу раз, я – глупая.

Письмо от 21 октября, 1917г

Что-ж, мой День Рождения прошел, это был обычный день.

Так странно, когда я писала прошлое письмо, то, от 15 октября, я была в воодушевлении. Не считая, конечно, некоторых опасений, относительно обратной стороны моей профессии. Мое настроение и отношение к этому несколько изменилось. Я работаю в госпитале Святого Иоанна и живу там. Переезд оказался пустяковым, выяснилось, что у меня очень мало вещей. Туда мне помог устроиться доктор Нэд. Помнишь, болонка его жены, укусила тебя? Прошлой весной его жена умерла от тифа. Сказал, что в этом госпитале очень нужны врачи, да и медсестры. О, я согласилась сразу, меня не напугала даже теперешняя ситуация с продовольствием и медикаментами.

И вот, я здесь. Еще не давно я была воодушевлена, а теперь... Нужно столкнуться с этим лицом к лицу, чтобы смело сказать – да, я готова. И я спрашиваю себя – готова ли я? Смогу ли я? Я в растерянности, тогда как должна быть рада, что служу своей стране. Но что она мне дает теперь, чем мне гордиться, вдохновляться? В детстве родина дала мне дом, семью, красивые деревья, просторные луга и уверенность в том, что все честно и справедливо. А теперь, Тедди?.. Она, родина, наша страна, вывернута наизнанку, всё не так, всё ужасно, всё умирает, и я вижу только то, что как будто бы и должно считаться сейчас нормальными – гниющие, рваные раны на телах солдат, которые все как один делают это «Во имя...» Чего? Я в ужасе, Тедди, в ужасе! Неужели напугана? Должно быть, да.

Напуган ли ты там? Мне больно об этом думать. Лучше я буду бояться за нас обоих, а ты будь смел.

Письмо от 2 ноября, 1917г

Тедди, Тедди, Тедди... Ты слышишь меня? Помнишь, как ты сердился, когда я, лет в пять, будила тебя среди ночи, если видела во сне что-то страшное? Ты так сердился, сам ещё ребёнок, но считающий себя взрослым старшим братом. Хмурил брови, пряча свои синие глаза, бурчал что-то, но все равно отодвигался на край кровати, и когда я ложилась, ты укутывал меня одеялом, как мумию (помнишь, этих чудных египетских мертвецов из нашей книги?). Не так уж ты и сердился, знал ведь, что ноги у меня ледяные... Твоя ворчливая забота меня забавляла.

Еще ты знал, что после кошмара мне сложно снова уснуть, и рассказывал мне что-нибудь. Это не было пересказом чьих-то книг, это были только твои сказки, самые необыкновенные из всех, какие я только слышала.

Утро 3 ноября. Такое чувство, что я что-то недорассказала тебе. В голове это копится, копится, но сказать всё это мне некому. Только не жалея меня, ты знаешь, я это ненавижу.

Я знаю, все заканчивается тем, чем началось. Рождение и смерть так похожи, как сон и то, что мы подразумеваем как жизнь. Мы скоро к чему-то придем. Для кого-то это будет победа, окончание войны, но это станет просто прежней пустотой, с которой все и началось. Все будто станет прежним (да, будто), но те, кого затронула война, так и останутся в ней, в этом задымленном временном интервале, храня её против воли в своих мыслях и сердцах. Мы просто станем притворяться прежними, будем пить чай и носить белые перчатки, но все это будет оправданием, вот, мол, всё теперь по-прежнему, мир. И смысла в этом нет.

Письмо от 20 ноября, 1917г

Каждый день я читаю газеты, Тедди. Там скачут, то и дело, из строки в строку, одни и те же слова: «Битва при Аррасе была... Первая мировая война...»

Родители написали мне, что решили уехать.

Эвакуация стала для многих тем самым оправданием. Они ропщут о безопасности, распахивая по корсетам украшения, а по потайным карманам серебряные чайные ложки. Говорят о смелости солдат, сами сбегая чуть что, как крысы с тонущего корабля. Да здравствует смелость солдат, ибо вся трусость переселилась в душонки перепудренных леди и сачкующих джентльменов. О, как я зла. Над городом летают вражьи дирижабли, все разбегаются по норам, спасаясь. Я сижу в душной, отдаленной от тебя комнате. Я далеко от города, я в тылу. Мы все далеко от войны, а она грохочет совсем рядом. Спросишь, отчего я злюсь? Да потому, что ты там! Ты в опасности. А я схожу здесь с ума! Все спасаются, а ты... Зачем ты уехал? Зачем? Тедди!

Мы выхаживаем солдат, но они умирают. Ты думаешь, я залечиваю их раны? Боже, да они почти все едва живы, едва! А медикаментов почти не осталось, только в пригороде. Я говорю с ними, читаю им, мысленно называя их твоим именем. Укрываю их одеялами, кормлю и мою. Они – это ниточки к тебе. Но смерть обрывает эти нити к тебе. И тогда ты снова совсем далеко.

Пора задуть свечу и лечь спать. Тебе ведь не холодно?..

Письмо от 24 ноября, 1917г

Это утро окрасилось для меня серо-зелёными цветами ностальгии по детству. Помнишь, Тедди, одно время, на Васильковой улице жила мисс Аркетт? Та пожилая леди (уже тогда пожилая), уехавшая в Девон. О, ты не представляешь моего удивления, когда я встретила ее, переходя железную дорогу.

Уставшая от бессонной ночи (с молодыми леди это бывает, не переживай, Тедди), я не стала нанимать экипаж и пошла пешком. Я шла вперед и вперед, погруженная в свои мысли, видя перед собой унылую дорогу и поля своей шляпки, которая как всегда сидела на моей беспокойной голове чуть криво.

Мисс Аркетт, как выяснилось из последующего разговора, с вокзала, невзирая на тяжелый чемодан, заехала в почтамт, чтобы посмотреть новые списки погибших. Сказала, на фронте ее племянник. Джордж или Джефф, я забыла.

Окраина, почти деревня, где находится больница Святого Иоанна, и где я живу (Боже, читать это, хуже, чем думать об этом), отделена от пригорода (за ним город, но там, говорят, становится опасно) железной дорогой. Невдалеке от развилки, я и встретила пожилую леди, идущую неспешным шагом, без усилия держа в одной руке темно-коричневый чемодан, а в другой две связанных вместе круглых коробки. Кольхнув седыми кудряшками под шляпкой, она объяснила мне, что намерена найти дом, в котором сняла бы комнату, раз уж вынуждена была эвакуироваться, и к счастью, вещей, спасибо войне, много ей тащить не пришлось. И все это она вынуждена делать в гордом одиночестве, хоть леди это и не пристало. Она пробасила это очень достойно, Тедди, правда. И знаешь, она была даже очаровательна в своём нежно-розовом дорожном платье, несмотря на свою довольно крупную комплекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.